

Министерство высшего и среднего специального образования УССР
ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

С. А. АЛЬПЕРТ

**ОБВИНЕНИЕ
В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ**

Учебное пособие

Харьков — 1974

Министерство высшего и среднего специального образования УССР

ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

С. А. АЛЬПЕРТ

ОБВИНЕНИЕ
В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ

Учебное пособие

Харьков — 1974

ВВЕДЕНИЕ

Внимание юристов, теоретиков и практиков, все время привлекает проблема обвинения в уголовном судопроизводстве. И хотя об обвинении в последние годы написан ряд монографий, опубликованы статьи в юридических журналах и научных сборниках, проблема эта по-прежнему остается весьма актуальной и требует все более глубокого осмысливания.

Важность всестороннего исследования данной проблемы определяется рядом моментов. Являясь одной из центральных, она самым непосредственным образом связана с наиболее важными вопросами теории советского уголовного процесса. Это объясняется той ролью, которая принадлежит обвинению в системе процессуальной деятельности, его значением для успешного решения задач социалистического правосудия.

Обвинение как особый вид процессуальной деятельности предшествует появлению функций защиты и правосудия, обуславливает их возникновение и оказывает прямое или косвенное влияние на всю последующую процессуальную деятельность, равно как и на те правоотношения, которые возникают и осуществляются в различных стадиях советского уголовного судопроизводства. Уже одно это выдвигает проблему обвинения в число наиболее актуальных и значимых в советской науке уголовного процесса. Первостепенное значение имеет правильное решение проблемы обвинения для практической деятельности всех органов, ведущих процесс, и, особенно, для дальнейшего совершенствования деятельности органов предварительного расследования и прокуратуры. Именно поэтому вопрос об обвинении, и прежде всего обвинении государственном, стоит в центре внимания практической деятельности всех звеньев советской прокуратуры. На повышение качества государственного обвинения в суде, поднятие его организационного уровня ориентируют приказы Генерального Прокурора СССР.

Программа КПСС требует всемерного укрепления социалистической законности во всех сферах государственной деятельности, в том числе и в области уголовного судопроизводства. Это требование имеет прямое и особое значение для обвинения, задачи которого органически связаны с общими задачами советского уголовного

процесса. Основанное на законе, будучи само законным, обвинение обеспечивает полное и всестороннее раскрытие преступления и изобличение виновных, содействует успешному осуществлению правосудия, укреплению правопорядка и решению такой узловой проблемы, как предупреждение преступлений и их искоренение. В этом своем значении проблема обвинения выступает как важнейшая составная часть основной проблемы советской правовой науки — социалистической законности и средств ее обеспечения в нашей стране.

Большая теоретическая и практическая важность проблемы обвинения в уголовном судопроизводстве обусловила усиленное внимание к ней советских процессуалистов, опубликовавших ряд работ, в которых исследуются как общие вопросы обвинения, так и отдельные стороны данной проблематики. Однако при всей важности этих работ и ценных выводов, которые в них содержатся, они, разумеется, не исчерпали всех аспектов этой большой и многогранной темы.

В настоящей работе, ограниченной в своем объеме, рассматриваются лишь те вопросы данной проблемы, которые, на наш взгляд, имеют наиболее важное значение для теоретического осмысливания сущности обвинения и практического осуществления задач обвинительной деятельности в советском уголовном процессе. Изучение этих вопросов имеет важное значение и для профессиональной подготовки студентов юридических вузов — будущих следователей, прокуроров и судей. Настоящее учебное пособие может быть использовано при изучении студентами спецкурса «Обвинение в советском уголовном процессе».

Сущность обвинения и его значение раскрываются в тесной связи с такими вопросами, как правоохранительная деятельность Советского государства, уголовно-процессуальные функции и субъекты, которые их осуществляют. Этим и объясняется рассмотрение указанных вопросов в данной работе.

§ 1. Правоохранительная функция Советского государства и ее выражение в уголовном процессе

Природа советского уголовного процесса, социальное назначение этого вида государственной деятельности могут быть раскрыты, исходя из сущности Советского государства, его важнейших функций и прежде всего той, которую марксистско-ленинская правовая теория называет п р а в о о х р а н и т е л ь н о й. Одной из важнейших задач правоохранительной деятельности является борьба с преступностью, ее предупреждение и искоренение.

Правоохранительная функция представляет собой одно из главных направлений деятельности Советского государства, которое выражается во всемерной охране правопорядка, социалистической законности, прав и законных интересов граждан, учреждений, пред-

приятный и организаций¹. В юридической литературе, однако, высказано мнение, что правоохранительная функция не может быть отнесена к числу главных функций Советского государства². С таким взглядом согласиться нельзя. Под функциями социалистического государства принято понимать «основные направления (и стороны) его деятельности, в которых выражаются его классовая сущность, служебная роль, задачи и цели по построению социализма и коммунизма»³.

Обеспечение правопорядка и законности является необходимым условием для успешного осуществления всех функций Советского государства — как внутренних, так и внешней. Уже в силу этого правоохранительную функцию Советского государства нельзя не признать одной из главных его функций. Такой взгляд на правоохранительную функцию Советского государства вытекает из решений Коммунистической партии Советского Союза, из всей практики деятельности соответствующих органов Советского государства. Государство, говорится в Программе КПСС, призвано охранять права, свободы граждан, социалистический правопорядок и законность, социалистическую собственность⁴.

В отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза товарищ Л. И. Брежнев особо подчеркнул, что укрепление законности — это задача не только государственного аппарата, но и партийных организаций, профсоюзов, комсомола, что любые отступления от закона, нарушения прав личности, ущемление достоинства граждан не могут быть терпимы. «Для нас, коммунистов, сторонников самых гуманных идеалов, это — дело принципа»⁵.

Совершенно очевидно, что такое отношение к данному вопросу можно объяснить лишь тем, что на современном этапе коммунистического строительства правоохранительная деятельность представляет собой одно из главных направлений, одну из главных функций Советского государства.

Относительно содержания правоохранительной деятельности в юридической литературе высказаны различные взгляды. Не входя в подробное их освещение, отметим лишь, что деятельность эта, как справедливо полагает С. С. Алексеев, связана с теми случаями, когда лица добровольно не исполняют возложенных на них обязанностей. Эта деятельность «включает в себя решение дел о нарушении

¹ О правоохранительной функции Советского государства см. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. Том 1. «Юридическая литература», М., 1970, стр. 561 — 562.

² Н. В. Черноголовкин. Теория функций социалистического государства. «Юридическая литература», М., 1970, стр. 44.

³ Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое государство. Том 3. «Юридическая литература», М., 1972, стр. 125.

⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, 1961, стр. 101.

⁵ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Политиздат, 1971, стр. 99.

ниях юридических норм и принятие специальных юридических мер воздействия против правонарушений (правовая ответственность), а также проведение в жизнь этих мер воздействия»¹.

Некоторые авторы пытаются провести различие между деятельностью правоохранительной и правоприменительной, утверждая, что правоохранительную деятельность осуществляют лишь органы высшего надзора за законностью — прокуратура, в то время как правоприменительная деятельность осуществляется только судебными органами². Между тем применение норм права не является исключительной компетенцией судебных органов, их применяют и другие государственные органы и должностные лица. С другой стороны, осуществление правоохранительной деятельности немислимо без применения норм права. С полным основанием поэтому в литературе подчеркивается, что правоохранительные акты, издаваемые соответствующими органами государства, являются «разновидностью актов применения норм права»³.

Правоохранительную деятельность нельзя сводить лишь к привлечению лиц, виновных в нарушении норм права, к юридической ответственности, хотя несомненно, что эта сторона указанной деятельности является весьма важным и эффективным средством обеспечения правопорядка. Представляются правильными взгляды тех авторов, которые включают в содержание правоохранительной деятельности также предупреждение и пресечение правонарушений⁴. Правоохранительная деятельность по самому существу своему должна быть направлена на быстрейшую ликвидацию последствий правонарушения и в этом своем значении она приобретает ярко выраженный правосстановительный характер⁵.

Правоохранительная функция многообразна по своему характеру, как многообразны органы, призванные к ее осуществлению. В той или иной степени весь механизм Советского государства связан с выполнением данной функции. Огромная культурно-воспитательная работа, которая осуществляется многими государственными и общественными органами нашей страны, в определенной мере связана и с задачами правоохранительными. Правоохранительная функция возлагается и на наиболее массовые органы власти — Советы депутатов трудящихся, которые в силу ст. 97 Конституции СССР призваны обеспечивать «охрану государственного порядка,

¹ С. С. Алексеев. Проблемы теории права. Курс лекций в двух томах. Том первый. Свердловск, 1972, стр. 59.

² К. Д. Бурмистров. Некоторые проблемы прокурорского надзора как формы государственной деятельности. Сб. статей «Совершенствование прокурорского надзора в СССР». М., 1973, стр. 73.

³ Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Общие институты и понятия. Том I. «Юридическая литература». М., 1970, стр. 563.

⁴ Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. Том I. «Юридическая литература». М., 1970, стр. 561 — 562.

⁵ О правосстановительной деятельности государственных органов, см. И. С. Самошенко. Правонарушения и юридическая ответственность. М., изд-во ВЮЗИ, 1966, стр. 17.

соблюдение законов и охрану прав граждан». Вместе с тем для полного обеспечения и реального проведения в жизнь правоохранительной функции в механизме Советского государства имеются такие его органы, на которые в первую очередь возложена ответственность за осуществление данной функции, они специально созданы для этого. К числу таких органов относится прежде всего суд, деятельность которого осуществляется в особом, лишь ему свойственном порядке и получившая в законе и практике особое обозначение — правосудия.

Одним из видов правоохранительной деятельности Советского государства является правосудие по уголовным делам, осуществляемое в форме уголовного судопроизводства. Оно направлено на охрану советского общественного и государственного строя, социалистической собственности, личности и прав граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств (ст. 1 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик).

В сфере уголовного судопроизводства правоохранительную деятельность осуществляет не только суд, но и другие органы, ведущие процесс, а именно — прокурор, следователь и органы дознания. Каждый из них осуществляет ее присущими ему методами и средствами, исходя из конкретных задач, которые стоят перед ними и с учетом тех условий, в которых протекает их деятельность. Иными словами, правоохранительная деятельность получает в советском уголовном процессе различное выражение в зависимости от того, о каком органе правоохраны идет речь и в какой процессуальной стадии она осуществляется.

В наиболее общей форме правоохранительная деятельность суда может быть выражена как рассмотрение и разрешение конкретных уголовных дел и осуществление таким путем целей и задач социалистического правосудия.

Правоохранительная деятельность органов прокуратуры в уголовном процессе выражается в надзоре за точным исполнением законов и в своевременном принятии во всех стадиях судопроизводства предусмотренных законом мер к устранению всяких нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили. Именно в этом состоит существо правоохранительной деятельности прокуратуры в уголовном процессе; формы же этой деятельности различны в зависимости от стадий, в которых она осуществляется. Одной из весьма важных и действенных форм правоохранительной деятельности прокурора в суде является поддержание им государственного обвинения.

Что касается правоохранительной деятельности органов предварительного расследования, то она многообразна в своих проявлениях, но несомненно, что в основе ее лежит расследование уголовных дел с целью обнаружения и изобличения лиц, виновных в совершении преступления, привлечения их к уголовной ответственности.

Правоохранительная деятельность указанных выше органов не протекает изолированно друг от друга. Напротив, деятельность каждого из них взаимосвязана и находится в определенном соотношении друг с другом. И это понятно: речь идет о системе правоохранительных органов и системе правоохранительной деятельности. Каждый из органов правоохраны, каждый из видов правоохранительной деятельности являются необходимыми элементами, без которых, как правило, невозможно обеспечить социальную эффективность советского уголовного судопроизводства. «Реальное обеспечение режима законности — справедливо отмечает Т. Н. Добровольская, — не может быть обеспечено деятельностью только одного из органов правоохраны»¹. Советский уголовный процесс представляет собой целостную систему, основу которой образует правоохранительная деятельность уполномоченных на то органов государства, и потому успешное решение стоящих перед уголовным судопроизводством задач в значительной степени зависит от того, насколько совершенна, эффективна деятельность каждого из них и в какой мере она согласована с другими видами правоохранительной деятельности, создает условия для их осуществления.

Изложенное имеет существенное значение при изучении такого вида правоохранительной деятельности, каким является в уголовном процессе обвинение. Такое изучение может быть плодотворным при условии, если рассматривать обвинение не изолированно, а в неразрывной связи с другими осуществляемыми здесь видами правоохранительной деятельности. Это предполагает выяснение места обвинения в общей системе уголовного судопроизводства, раскрытие роли и значения обвинения для других видов правоохранительной деятельности и прежде всего для правосудия.

§ 2. Понятие субъектов уголовно-процессуальной деятельности. **Участники процесса.**

Советское уголовное судопроизводство представляет собой многостороннюю деятельность ряда органов и лиц — субъектов уголовно-процессуальной деятельности.

В юридической литературе нет единства взглядов относительно понятия «субъекты уголовно-процессуальной деятельности».

Так, М. С. Строгович считает, что «субъекты уголовно-процессуальной деятельности — это участники уголовного процесса: государственные органы, должностные лица, общественные организации, граждане, которые путем использования предоставленных им уголовно-процессуальным законом прав и выполнения возложенных на них обязанностей осуществляют определенные уголовно-процес-

¹ Т. Н. Добровольская. Прокурорский надзор как одно из средств обеспечения социалистической законности. См. сб. статей «Совершенствование прокурорского надзора в СССР», М., 1973, стр. 51.

суальные функции»¹. По мнению М. С. Строговича, не являются субъектами уголовно-процессуальной деятельности свидетели, понятые, эксперты и переводчики, хотя они и являются «субъектами отдельных уголовно-процессуальных отношений»².

Несколько иную позицию занимает в этом вопросе Р. Д. Рахунов. Считая, как и М. С. Строгович, что нет никаких различий между понятиями «субъект уголовно-процессуальной деятельности» и «участник процесса», Р. Д. Рахунов полагает, однако, что субъектами уголовно-процессуальной деятельности являются все участвующие в деле лица, в том числе свидетели, эксперты, понятые, переводчики и секретари судебного заседания³. Такое же мнение по данному вопросу было высказано в 1956 году и Н. Н. Полянским⁴. Разделяет эту позицию и ряд других авторов⁵. По существу не отличается от нее и трактовка, которую дают понятию «участники процесса» В. Н. Шпилёв и Л. Д. Кокорев. По мнению В. Н. Шпилёва, «участник» — это тот, кто участвует в совершении процессуальных действий» и потому к участникам процесса «в широком смысле этого слова» относятся все, кто в той или иной форме связан с производимыми процессуальными действиями. Насколько широко трактует автор данное понятие, видно из того, что к числу «участников процесса» он относит не только свидетелей, экспертов и понятых, но и поручителей, залогодателей, судебного коменданта и прочих лиц⁶. Такого же взгляда придерживается Л. Д. Кокорев, по мнению которого понятие «участники процесса» относится не только к лицам, преследующим в уголовном судопроизводстве защиту своих личных интересов, но и всем другим лицам, которые могут принимать участие в уголовном процессе⁷. Следовательно, общим для всех указанных выше авторов является то, что они рассматривают понятия «субъект уголовно-процессуальной деятельности» и «участник процесса» как идентичные.

С таким взглядом согласиться нельзя. Понятием «субъекты уголовно-процессуальной деятельности» должны охватываться все органы и лица, которые наделены правами и несут определенные за-

¹ М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. Том 1. «Наука». М., 1968, стр. 203.

² Там же, стр. 205.

³ Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности. Госюрздат. М., 1961, стр. 15, 22—23.

⁴ Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд-во Московского университета. М., 1956, стр. 45—46.

⁵ См. П. С. Элькинд. Сущность советского уголовного-процессуального права. Изд-во Ленинградского университета, 1963, с. 57; В. А. Стрёмовский. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе. Изд-во Ростовского университета, 1966, стр. 13—15; Э. С. Зеликсон. Доказывание как деятельность субъектов уголовного судопроизводства. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Алма-Ата. 1973, стр. 13; Н. А. Якубович. Теоретические основы предварительного следствия. М., 1971, стр. 49.

⁶ В. Н. Шпилев. Участники уголовного процесса. Изд-во БГУ. Минск, 1970, стр. 13—14.

⁷ Л. Д. Кокорев. Участники правосудия по уголовным делам. Изд-во Воронежского университета. Воронеж, 1971, стр. 10—11.

коном обязанности в связи с производством по данному делу. Для отнесения к числу субъектов уголовно-процессуальной деятельности не имеет значения, каков характер деятельности, осуществляемой тем или иным лицом. Деятельность одних субъектов оказывает решающее влияние на ход и исход движения дела; деятельность других, хотя и связана с активным участием в процессе, решающего значения для движения дела не имеет; наконец, деятельность третьих — может быть связана с выполнением конкретных, порой эпизодических, действий. Несмотря, однако, на различие процессуального положения всех этих лиц, общим для них является то, что они — субъекты процесса.

Что касается понятия «участники процесса», то оно должно определяться с учетом действующего закона и не может произвольно расширяться.

М. С. Строгович, как и названные выше авторы, исходит из того, что понятием «участники процесса» охватываются, наряду с другими лицами, также суд, прокурор, следователь, поскольку они участвуют в деле. Не трудно видеть, что здесь делается попытка заменить правовое понятие «участник процесса» понятием смысловым, этимологическим. Между тем закон не относит к числу участников процесса государственные органы, ведущие процесс, хотя они, разумеется, участвуют в деле, активно воздействуя на весь его ход. Против объединения под именем участников уголовного процесса всех, кто так или иначе принимает участие в уголовном деле, высказывался и М. А. Чельцов¹.

Исходя из смысла Основ уголовного судопроизводства и действующих УПК союзных республик, участники процесса — это граждане, учреждения, предприятия и организации, которые наделены правами для активного участия в расследовании и рассмотрении дел с целью защиты своих прав и законных интересов либо прав и законных интересов представляемых ими лиц. Следовательно, не каждый субъект уголовно-процессуальной деятельности является участником процесса, но каждый участник процесса всегда является субъектом уголовно-процессуальной деятельности.

Основными субъектами уголовно-процессуальной деятельности являются суд, прокурор, следователь и органы дознания, поскольку их деятельность имеет особое значение для всего уголовного судопроизводства. Они уполномочены государством принимать все предусмотренные законом меры в целях быстрого и полного раскрытия преступления, изобличения виновных и справедливого их наказания, равно как и меры, направленные на то, чтобы ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Они призваны предупреждать и искоренять преступления. Именно эти органы и лица ведут процесс, от их деятельности в конечном счете зависят те решения, которые принимаются по

¹ Уголовный процесс. Под ред. проф. М. А. Чельцова. «Юридическая литература». М., 1969, стр. 71.

уголовному делу, они непосредственно осуществляют в сфере уголовного судопроизводства правоохранительную деятельность.

И. В. Тыричев правильно указывает на то общее, что характеризует деятельность органов государства, осуществляющих производство по уголовному делу. «Объединяющим моментом их деятельности,— пишет он,— служит общность задач уголовного судопроизводства (ст. ст. 2, 3 Основ), единство предмета доказывания (ст. 15 Основ и ст. 68 УПК РСФСР) и методов оценки доказательств (ст. 17 Основ), обязанность полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 14 Основ), обязанность обеспечения прав всех участников процесса (ст. ст. 13, 27 Основ)¹.

Отмечая эти общие моменты в деятельности указанных органов, следует в то же время подчеркнуть, что деятельность каждого из них осуществляется в специфических процессуальных формах, определяемых конкретными условиями и задачами той либо иной стадии процесса, а также особым характером их деятельности, особой ролью каждого из них в достижении общей цели.

Разграничение понятий «основные (главные) субъекты процесса» и «участники процесса» имеет важное теоретическое и практическое значение. Оно реально отражает то, что закреплено в действующем законе и развивающейся на его основе практике. Различая эти понятия, мы не только в теоретическом плане выясняем то общее и характерное, что присуще каждой из названных групп субъектов процессуальной деятельности, но получаем также возможность конкретно рассмотреть практически важные вопросы, относящиеся к характеристике полномочий основных субъектов процесса, с одной стороны, прав и обязанностей участников процесса — с другой. Это, в свою очередь, создает необходимые условия для более четкой фиксации в законе правового статуса каждого из входящих в ту или иную группу субъектов процессуальной деятельности, что обеспечивает успешное решение задач уголовного судопроизводства и действенную защиту прав и законных интересов участников процесса.

Общие задачи, стоящие перед судом, прокурором и органами расследования, не исключают различных методов и форм их реализации. В деятельности, связанной с решением этих общих задач (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства), каждый из них имеет свое направление, иначе говоря — осуществляет свойственную ему уголовно-процессуальную функцию.

Интересы, которые отстаивают участники процесса, обуславливают характер и направленность их деятельности при производстве по уголовному делу, а это, в свою очередь, определяет характер тех процессуальных функций, которые они осуществляют.

¹ Уголовный процесс. Под ред. проф. М. А. Чельцова, «Юридическая литература», М., 1969, стр. 60.

§ 3. Понятие уголовно-процессуальной функции. Круг субъектов, которые их осуществляют.

Четкая законодательная регламентация процессуальных действий находит свое выражение и в тех функциях, с которыми закон связывает деятельность ряда субъектов процесса.

По вопросу о понятии уголовно-процессуальных функций в юридической литературе высказаны различные взгляды.

М. С. Строгович определяет уголовно-процессуальные функции как «отдельные виды, отдельные направления уголовно-процессуальной деятельности»¹. Р. Д. Рахунов под функцией понимает «круг деятельности одного или нескольких участников уголовного процесса, осуществляемой в силу того положения, которое данный участник занимает в процессе»². Понятие уголовно-процессуальной функции В. А. Познанский связывает с теми или иными действиями, которые субъекты уголовного процесса совершают в соответствии со своими правами и обязанностями³. Разделяя в целом взгляд, высказанный М. С. Строговичем по данному вопросу, Д. С. Карев, однако, отмечает, что уголовно-процессуальные функции связаны с действиями, направленными в своей совокупности на достижение одинаковой цели⁴.

Своеобразную позицию занимает В. П. Нажимов. Определяя уголовно-процессуальные функции как важнейшие виды уголовно-процессуальной деятельности, различающиеся по своей направленности, то есть ближайшим целям, на достижение которых направлен данный вид деятельности, В. П. Нажимов полагает, что правильно решить вопрос об уголовно-процессуальных функциях можно лишь на основе более тесного контакта науки уголовного процесса и судебной психологии⁵. И хотя автор делает оговорку, что «количество уголовно-процессуальных функций следует определять, исходя из природы уголовного процесса, из реального наличия в его содержании важнейших видов уголовно-процессуальной деятельности...»⁶, дальнейшие его рассуждения фактически приводят к выводу, что процессуальная функция — это категория психологическая, что осуществление ее тем либо иным субъектом основывается в большинстве случаев не столько на положениях

¹ М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. Том I. «Наука». М., 1968, стр. 188. Указанный взгляд разделяют и другие авторы. См. В. М. Савицкий. Государственное обвинение в суде. «Наука». М., 1971, стр. 41; Л. Д. Кокорев. Участники правосудия по уголовным делам. Изд-во Воронежского университета. Воронеж, 1971, стр. 50.

² Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности. Госюриздат. М., 1961, стр. 23.

³ Советский уголовный процесс. Часть общая. Изд-во Саратовского университета, 1968, стр. 19.

⁴ Советский уголовный процесс. Под. ред. проф. Д. С. Карева. «Высшая школа». М., 1968, стр. 24.

⁵ В. П. Нажимов. Об уголовно-процессуальных функциях. «Правоведение», 1973, № 5, стр. 73.

⁶ Там же, стр. 74.

закона, сколько на «свободе выбора осуществляемой им функции», выбора, определяемого внутренним убеждением и обстоятельствами дела¹.

С таким пониманием сущности процессуальной функции согласиться нельзя. Разумеется, «выделение различных уголовно-процессуальных функций, равно как и возложение их на разных участников процесса, должно опираться на знание законов психологии»², но это отнюдь не значит, что субъекты процесса сами «выбирают» себе ту функцию, которую они намерены осуществлять. Если бы так именно обстояло дело, то очевидно соответствующие субъекты процесса, психологически перестраиваясь в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства, могли бы менять характер осуществляемой ими процессуальной функции, причем делать это многократно. Ясно, что в этих условиях функция как конкретная процессуальная категория потеряла бы свою определенность и превратилась бы в нечто расплывчатое, лишенное практического значения.

В действительности же, выделение тех либо иных функций и возможность их осуществления конкретными субъектами процесса зависит не от воли и желания последних, а от законодателя, который, учитывая ряд факторов, в том числе и законы психологии, нормативно закрепил соответствующую структуру судопроизводства, отражающую реальное положение вещей, права и законные интересы субъектов процесса, цели, к достижению которых они стремятся. Иными словами, уголовно-процессуальная функция — это объективная категория, отраженная в действующем законе. Она определяет процессуальное положение данного субъекта и, как правильно отмечает В. М. Савицкий, не зависит от его конкретной позиции в том или ином деле³.

Следует согласиться с мнением, что нельзя распространять понятие процессуальной функции на уголовный процесс в целом, равно как и на отдельные процессуальные решения и действия, поскольку лишило бы это понятие смысла⁴. Процессуальная функция, справедливо замечает М. Л. Якуб, — понятие частное по отношению к уголовному процессу в целом, поскольку является одной из его сторон, и в то же время понятие общее по отношению к отдельным процессуальным действиям и решениям, так как «функция есть спаянная единством цели совокупность процессуальных действий и, в соответствующих случаях, решений»⁵. Под процессуальными

¹ В. П. Нажимов. Об уголовно-процессуальных функциях. «Правоведение», 1973, № 5, стр. 76.

² Там же, стр. 74.

³ В. Савицкий. Прокурор и потерпевший в судебном разбирательстве. «Социалистическая законность», 1971, № 4, стр. 33. На этой позиции стоит и В. А. Дубвинный (см. статью «Процессуальная функция следователя», сборник «Вопросы теории и практики предварительного следствия в органах внутренних дел», Саратов, 1973, стр. 192).

⁴ М. Л. Якуб. О понятии процессуальной функции в советском уголовном судопроизводстве. «Правоведение», 1973, № 5, стр. 84.

⁵ Там же, стр. 84—85.

функциями автор понимает не все виды процессуальной деятельности, а лишь основные ее направления, которые непосредственно направлены на достижение задач уголовного судопроизводства в целом либо части этих задач, а также деятельность, направленную на защиту своих интересов в исследовании вопросов, разрешение которых входит в эти задачи¹.

П. С. Элькинд под уголовно-процессуальными функциями понимает не вид, не само направление уголовно-процессуальной деятельности, а выраженные в соответствующих направлениях уголовно-процессуальной деятельности специальное назначение и роль его участников².

Различные определения понятия уголовно-процессуальной функции приводят их авторов и к различному определению круга субъектов, осуществляющих эти функции. Если П. С. Элькинд из данного его определения делает вывод, что функции осуществляют все субъекты уголовно-процессуальной деятельности (начиная от государственных органов, ведущих процесс, и кончая понятыми, переводчиками и экспертами), то М. А. Чельцов считает, что функции осуществляют лишь те органы и лица, на которых закон возлагает обязанность осуществлять то либо иное самостоятельное направление процессуальной деятельности³. Такое понимание уголовно-процессуальных функций, по сути, означает, что функции эти осуществляют лишь государственные органы, ведущие процесс, а также защитник, на которого закон возлагает соответствующую обязанность по защите прав и законных интересов обвиняемого. Не трудно видеть, что такого рода конструкция исключает из числа лиц, осуществляющих процессуальные функции, всех, для кого участие в процессе связано с защитой своих субъективных прав, всех, кого закон именует участниками процесса. Если исходить из позиции, занимаемой П. С. Элькинд, и рассматривать процессуальную функцию как определенное назначение того либо иного субъекта, то очевидно, что речь здесь может идти лишь об обязанности выполнять соответствующую деятельность. Иначе говоря, логически позиция П. С. Элькинд должна совпадать с изложенной выше позицией М. А. Чельцова. Между тем П. С. Элькинд — и в этом противоречивость ее позиции — приходит к иным выводам и, в отличие от М. А. Чельцова, считает, что процессуальные функции осуществляют все субъекты уголовного процесса.

Следует согласиться с Ц. М. Каз, что «не всякая процессуальная деятельность сопряжена с выполнением процессуальной функ-

¹ М. Л. Якуб. Указанная статья, стр. 85.

² П. С. Элькинд. Сущность советского уголовно-процессуального права. Изд-во Ленинградского университета, 1963, стр. 54. Этот взгляд разделяет В. Г. Давев в статье «Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве» («Правоведение», 1974, № 1, стр. 72).

³ Уголовный процесс. Под ред. проф. М. А. Чельцова, «Юридическая литература», М., 1969, стр. 11.

ции»¹. Данное положение необходимо особо подчеркнуть, поскольку в литературе неоднократно высказывалась мысль, будто деятельность каждого субъекта процесса есть осуществление присущей ему процессуальной функции. Более того, некоторые авторы настолько широко трактуют понятие процессуальной функции, что видят ее проявление в каждом следственном действии². Если слово «функция» рассматривать лишь в плане этимологическом, а именно, как определенные обязанности, круг деятельности, роль в осуществлении чего-то, видимо, можно было бы согласиться с таким пониманием процессуальной функции. Все дело, однако, в том, что данному термину большинство советских процессуалистов придает иное смысловое значение, и применяется он для характеристики не отдельного следственного действия и роли в нем того либо иного субъекта процесса, а более широкого и емкого понятия, каким является направление в процессуальной деятельности. Причем речь идет не о любых направлениях, а основных, то есть таких, которые в своей совокупности непосредственно и в наиболее концентрированной форме выражают сущность уголовного судопроизводства, способствуют реализации его задач.

Каждая уголовно-процессуальная функция имеет четко выраженную целенаправленность, которая, как правильно отмечает А. Л. Цыпкин, определяется тем процессуальным интересом, который присущ субъекту, осуществляющему данную функцию. Совершенно очевидно, что процессуальный интерес имеют лишь самостоятельные субъекты уголовного судопроизводства, к числу которых не могут быть отнесены свидетели, эксперты, специалисты, переводчики и понятые.

Таким образом, процессуальные функции — это основные направления процессуальной деятельности, осуществляемые самостоятельными субъектами, которым закон для достижения соответствующих целей предоставляет широкие права и полномочия на активное участие в уголовном судопроизводстве. Процессуальные функции, следовательно, осуществляют основные субъекты процесса (суд, прокурор, органы расследования) и участники процесса (обвиняемый, подозреваемый, защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, а также общественный обвинитель и общественный защитник).

Спорным в литературе является вопрос о числе процессуальных функций, их системе. Наиболее распространен взгляд, что в уголов-

¹ Ц. М. Каз. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. Изд-во Саратовского университета. 1968, стр. 28. Аналогичного взгляда придерживается Л. Д. Кокорев. См. Участники правосудия по уголовным делам. Изд-во Воронежского университета. 1971, стр. 51.

² «Каждое следственное действие есть процесс проявления функций его участниками» (А. В. Дулов. Основы психологического анализа на предварительном следствии. «Юридическая литература». М., 1973, стр. 81).

ном судопроизводстве имеются три основные процессуальные функции: обвинение (уголовное преследование), защита и разрешение дел¹. Ряд авторов относит к числу процессуальных функций расследование уголовного дела, а некоторые, кроме того, и прокурорский надзор (надзор за точным исполнением законов)².

Разумеется, в каждом уголовном деле, рассматриваемом судом, получают свое выражение функции обвинения, защиты и разрешения дела (точнее — правосудия). Представляется, однако, что система процессуальных функций не может быть ограничена только ими. Многообразие направлений процессуальной деятельности неизбежно вызывает к жизни и ряд других процессуальных функций. Из этого не следует, что эти функции охватывают всю уголовно-процессуальную деятельность. Как отмечалось, процессуальные функции характеризуют основные направления процессуальной деятельности. Поэтому к их числу, на наш взгляд, должны быть отнесены: 1) расследование уголовного дела, 2) надзор за точным исполнением законов (прокурорский надзор), 3) обвинение, 4) защита, 5) правосудие, 6) поддержание гражданского иска, 7) возражение против гражданского иска.

Все указанные процессуальные функции находятся во взаимосвязи и в определенном соотношении, что и позволяет говорить о них, как о с и с т е м е процессуальных функций. Эта взаимосвязь имеет различные аспекты. Здесь же отметим один из них. Ряд авторов проявляет при освещении данного вопроса известную непоследовательность. Речь идет о том, что в приведенной системе имеются такие процессуальные функции, которые условно можно назвать «парными», они необходимо предполагают друг друга и в реальной действительности друг без друга не существуют. К числу таких функций относятся **обвинение — защита, поддержание гражданского иска — возражение против гражданского иска**. Это обстоятельство несмотря на всю его очевидность, не замечают отдельные авторы.

Так, М. А. Чельцов считает, что в уголовном процессе имеются лишь следующие процессуальные функции: судебная, надзор за точным применением закона, расследование, защита³. Автор, таким образом, не относит обвинение к числу процессуальных функций. Подобная позиция не может не вызвать возражений, тем более, что М. А. Чельцов признает в качестве одной из функций защиту.

¹ М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. Том 1, стр. 189; Радянський кримінальний процес. За загальною ред. проф. А. Л. Ривліна. «Вища школа». Київ, 1971, с. 56; В. П. Нажимов. Об уголовно-процессуальных функциях. «Правоведение», 1973, № 5, стр. 78. См. также монографию болгарского процессуалиста Стефана Павлова «Проблеми на основните функции социалистическая наказателен процес», София, 1966, стр. 7 — 8.

² Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности. Госюриздат. М., 1961, стр. 48; Советский уголовный процесс. Под ред. проф. Д. С. Карева. «Высшая школа». М., 1968, стр. 24.

³ Уголовный процесс. Под ред. проф. М. А. Чельцова. «Юридическая литература». М., 1969, стр. 11.

Против чего в таком случае осуществляется защита, какой процессуальной деятельности (функции) она противостоит? На эти вопросы автор ответа не дает. Аналогичную непоследовательность проявляет и В. А. Познанский, который признает одной из процессуальных функций «защиту от гражданского иска», но ничего не говорит о функции поддержания гражданского иска¹.

Нельзя согласиться с позицией тех процессуалистов, которые вообще не признают поддержание гражданского иска и возражение против него самостоятельными процессуальными функциями², в чем проявляется известная недооценка института гражданского иска в советском уголовном процессе. Конечно, гражданский иск предъявляется не в каждом уголовном деле и, следовательно, функции поддержания иска и возражения против него осуществляются не во всех уголовных делах. Но в тех случаях, когда иск предъявлен, нельзя исключать из общей системы процессуальных функций такие направления процессуальной деятельности, которые осуществляются самостоятельными, и притом равноправными, участниками процесса. Здесь следует подчеркнуть и другое обстоятельство, а именно, что деятельность этих участников процесса направлена на разрешение таких вопросов, которые составляют суть правосудия по уголовным делам и образуют в актах правосудия его существенные составные части. Все это дает основание отнести поддержание гражданского иска и возражение против него к числу самостоятельных процессуальных функций.

В сложной деятельности, какой является советский уголовный процесс, обвинение выступает в качестве такого правового института, без которого в своем конкретном выражении он (процесс) объективно и не существует. Невозможно представить себе уголовный процесс как особый вид правоохранительной деятельности без того, чтобы тот, кто посягает на правопорядок, совершает преступление, не привлекался к ответственности, не обвинялся в этом. Без этого уголовный процесс стал бы беспредметным, лишился бы смысла³.

Рождение советского уголовного процесса и связанное с ним разрушение старой буржуазно-помещичьей судебной системы вызвало к жизни новые по своей классовой природе формы правосудия и соответствующие им процессуальные институты, поставленные на службу народа, на защиту его революционных завоеваний.

В первых же актах о советском суде и советском уголовном процессе обвинение выступает как самостоятельная функция, для

¹ Советский уголовный процесс, часть общая. Изд-во Саратовского университета. 1968, стр. 19.

² В. П. Нажимов. Об уголовно-процессуальных функциях. «Правоведение», 1973, № 5, стр. 79; М. Л. Якуб. О понятии процессуальной функции в советском уголовном судопроизводстве. «Правоведение», 1973, № 5, стр. 86.

³ А. Л. Ривлин. Понятие обвинения, его место в советском уголовном судопроизводстве. «Вопросы государства и права» (сборник статей). Харьковский юридический институт. «Юридическая литература». М., 1970, стр. 255.

осуществления которой уже Декрет № 2 «О суде» от 7 марта 1918 года учредил соответствующие коллегии. Декрет о революционных трибуналах от 4 мая 1918 года предусмотрел «для формулировки обвинительных тезисов» и «публичного обвинения» образование коллегий обвинителей. Первое Положение о прокурорском надзоре 1922 года возлагало на прокуроров, в числе других обязанностей, поддержание государственного обвинения. Эта тенденция, проходящая через всю историю советского уголовного процесса, находит свое прямое выражение и в действующем законодательстве¹. Таким образом, для уголовного процесса не только характерно обвинение, без которого самое существование его делается невозможным. Важно, что обвинение выступает как самостоятельная функция, что оно связано со всем строем процесса, имеет свои специфические признаки, свои, лишь ему присущие средства решения общих задач уголовного судопроизводства.

§ 4. Понятие обвинения и его задачи в советском уголовном процессе

В советской правовой литературе широко распространен взгляд, согласно которому обвинение представляет собой процессуальную деятельность уполномоченных на то органов и лиц, направленную на изобличение лица в совершении преступления с тем, чтобы обеспечить в конечном счете осуждение виновного и применение к нему справедливого наказания². Такое определение в целом правильно отражает сущность данного понятия, хотя и нуждается в некоторых дополнениях.

Требование применить к виновному наказание отнюдь не является обязательным признаком обвинения как процессуальной деятельности. Обвинение может иметь и нередко имеет своим результатом применение не наказания, а мер воспитательного характера или общественного воздействия³.

Обвинение выступает в качестве одного из основных методов, обеспечивающих реализацию уголовной ответственности. Поэтому

¹ См. А. Л. Рівлін. Обвинувачення в історії радянського кримінального процесу та в діючій його системі. «Проблеми правознавства», 1968, випуск 10, с. 114.

² М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. Том 1. «Наука», М., 1968, стр. 190; П. С. Элькин. Сущность советского уголовно-процессуального права. Изд-во ЛГУ, 1963, стр. 60; П. М. Давыдов, Ю. Г. Левин. Обвинение в советском уголовном процессе. «Ученые записки» Свердловского юридического института. Том 6, Свердловск, 1958, стр. 101; Д. Постовий. Поняття обвинувачення у новому кримінально-процесуальному законодавстві. «Радянське право», 1961, № 3, с. 103; В. М. Савицкий. Государственное обвинение в суде. «Наука», М., 1971, стр. 44.

³ «...Если компетентные органы в силу предусмотренных в законе обстоятельств сочтут возможным ограничиться применением к виновному мер воспитательного характера или общественного воздействия, то отсюда не следует, что обвинение по данному делу было беспечным, беспредметным» (Ф. 11. Фаткуллин. Обвинение и изменение его в суде. Казань, 1963, стр. 15).

содержание обвинения непосредственно связано с понятием уголовной ответственности и вопросом о ее основании.

Вопрос о сущности юридической ответственности и ее разновидности ответственности уголовной привлекает особое внимание советских правоведов. Это объясняется тесной связью юридической ответственности с правоохранительной деятельностью государственных органов и теми правоотношениями, которые в ходе этой деятельности возникают.

Под юридической ответственностью понимается «обязанность лица претерпевать меры государственно-принудительного воздействия (санкции) за совершенное правонарушение»¹. Одно из своеобразий юридической ответственности — и это подчеркивается в самом наименовании данного правового явления — состоит в том, что она, по справедливому замечанию С. С. Алексеева, имеет только ретроспективный аспект, иначе говоря, всегда представляет собой «ответ» за прошлое поведение — правонарушение². Сказанное в полной мере относится к уголовной ответственности, являющейся ответной реакцией государства на преступное поведение гражданина³.

Типичной формой реализации уголовной ответственности является наказание, хотя возможны в отдельных случаях и другие формы реализации ответственности, когда к виновному вместо наказания применяются принудительные меры воспитательного характера или меры общественного воздействия (ст. ст. 10, 51 УК УССР, ст. 10, 51, 52 УК РСФСР). Связь наказания и уголовной ответственности правильно, на наш взгляд, отмечена И. Г. Филановским: «Наказание не может иметь места без уголовной ответственности, а последняя не обязательно сопровождается наказанием»⁴.

Вопрос об уголовной ответственности тесно связан с вопросом об уголовноправовом отношении. Уголовное право регулирует отношения между преступником и государством в связи с фактом совершения преступления. Являясь отношениями уголовноправовыми, они возникают в момент совершения преступления и потому, как правильно отмечается в литературе, существуют и тогда, когда преступление еще не раскрыто и его виновник еще не известен⁵. Но чтобы уголовноправовые отношения могли быть реализованы, чтобы предписания норм уголовного права обрели «жизненную силу»⁶

¹ С. С. Алексеев. Проблемы теории права. Курс лекций в двух томах. Том I. Свердловск. 1972, стр. 371.

² Там же, стр. 372.

³ В. П. Божьев, Е. А. Фролов. Уголовно-правовые и процессуальные правоотношения. «Советское государство и право», 1974, № 1, стр. 89.

⁴ И. Г. Филановский. К вопросу о юридической ответственности за правонарушение. «Вестник Ленинградского университета. Экономика. Философия. Право», 1973, № 5, стр. 130.

⁵ Курс советского уголовного права. Том I. «Наука». М., 1970, стр. 16.

⁶ М. И. Ковалев. Советское уголовное право. Курс лекций. Выпуск I. Свердловск. 1971, стр. 85.

и начали действовать, необходим уголовный процесс, необходимы уголовно-процессуальные отношения.

Если уголовноправовое отношение возникает между государством как таковым и лицом, совершившим преступление, то уголовно-процессуальные отношения регулируют отношения между конкретными государственными органами, уполномоченными расследовать и рассматривать дело о совершенном преступлении, с одной стороны, и лицом, привлеченным к уголовной ответственности — с другой¹.

Не все авторы, исследующие вопрос об уголовноправовом отношении, считают, что оно возникает в момент совершения преступления. Некоторые из них придерживаются мнения, что уголовное правоотношение возникает с момента привлечения лица в качестве обвиняемого². Аргументируется оно обычно тем, что «правоотношение нельзя признать реально существующим, если не установлены, не персонифицированы конкретные его участники, не определено конкретное содержание этого правоотношения»³. Отдельные авторы, руководствуясь аналогичными аргументами, идут еще далее и полагают, что уголовноправовое отношение возникает лишь с момента вступления в законную силу обвинительного приговора суда⁴.

Не вдаваясь в подробное освещение этого большого и достаточно сложного вопроса, требующего самостоятельного исследования, отметим все же, что убедительным представляется взгляд тех авторов, которые связывают момент возникновения уголовноправового отношения с моментом совершения преступления. Уголовноправовое отношение и лежащая в ее основе уголовная ответственность являются категориями объективными, ибо «...обязанность отвечать за содеянное возникает в силу объективного факта — совершения преступления — и не зависит от установления его существования»⁵.

Правильную позицию в рассматриваемом вопросе занимают В. Сташис и М. Бажанов, которые различают момент возникновения уголовноправовых отношений и моменты, связанные с их констатацией. «Констатация уголовных правоотношений происходит в ходе уголовного процесса в определенных процессуальных актах

¹ Здесь не рассматриваются другие процессуальные отношения, возникающие между иными субъектами процесса.

² См., в частности: Я. М. Брайнин. Уголовная ответственность и ее основание в советском праве. «Юридическая литература». М., 1963, стр. 21; Г. Б. Виттенберг. Освобождение от уголовной ответственности и наказания с применением мер общественного воздействия. Автореферат докторской диссертации. Харьков. 1969, стр. 16.

³ Н. И. Загородников. О пределах уголовной ответственности. «Советское государство и право», 1967, № 7, стр. 43.

⁴ В. Г. Смирнов. Функции советского уголовного права. Изд-во МГУ, 1965, стр. 156—159.

⁵ Л. М. Карнеева. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. «Юридическая литература». М., 1971, стр. 5—6.

и окончательно завершается в приговоре, но возникают эти правоотношения уже тогда, когда преступление совершено»¹.

Уголовноправовые отношения возникают независимо от отношений уголовно-процессуальных, но реалізують ся они не иначе как с помощью последних. В этом проявляется относительная самостоятельность и в то же время взаимосвязь правоотношений уголовных и уголовно-процессуальных. Уголовноправовые отношения должны быть установлены, подтверждены, доказаны. Этому и служит уголовный процесс в целом и те правоотношения, которые в нем складываются.

Одним из важнейших вопросов, возникающих в каждом конкретном уголовном деле, является вопрос об уголовной ответственности, причем первоначально еще не определенного лица, а с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого — конкретного лица за вменяемое ему преступное деяние². Привлечение в качестве обвиняемого — это и есть привлечение к уголовной ответственности, которое представляет собой один из весьма важных этапов на пути реализации уголовной ответственности. Если привлечение к уголовной ответственности означает возбуждение в отношении конкретного лица обвинения, поставление его в положение обвиняемого, то реализация уголовной ответственности состоит в том, что обвиняемый, признанный виновным в совершении преступления, эту ответственность несет³. Фактическое же несение уголовной ответственности допускается лишь в тех случаях, когда уголовноправовое отношение установлено, доказано в порядке, указанном уголовно-процессуальным законом.

Между привлечением к уголовной ответственности и реальным ее осуществлением лежит большой и нередко очень сложный путь — от признания лица обвиняемым до признания его по приговору суда виновным в совершении преступления, его осуждением как преступника. Этот путь может быть пройден лишь на основе обвинения, лишь с его помощью. Обвинение, следовательно, возникает на предварительном расследовании, а затем осуществляется в ряде последующих судебных стадиях для того, чтобы констатировать реальное существование уголовноправового отношения. В этом его основное назначение.

Изложенное имеет непосредственное отношение к раскрытию понятия обвинения.

Выше уже отмечалось, что понятие обвинения в советской процессуальной литературе связывают с деятельностью по изобличению обвиняемого в совершении преступления. Правда, отдель-

¹ В. Сташис, М. Бажанов. Рецензия на книгу Я. М. Брайнина «Уголовный закон и его применение». «Радянське право», 1968, № 9, с. 110.

² Я. О. Мотовиловкер. Некоторые вопросы содержания и формы советского уголовного процесса. «Вестник Ярославского университета». Выпуск 4, 1972. Проблемы процессуальной формы в юридической науке и практике. Ярославль, 1972, с. 61.

³ Л. М. Карнеева, указанная работа, стр. 8.

ные авторы не разделяют этот взгляд, полагая, что изобличение лица в совершении преступления не является характерным признаком обвинения как процессуальной деятельности. «Ведь процессуальная деятельность, направленная на изобличение обвиняемого, доказывание его виновности,— пишет А. Л. Ривлин,— осуществляется на всем протяжении предварительного расследования как до, так и после привлечения в качестве обвиняемого». Поэтому понимание обвинения как деятельности по изобличению лица в совершении преступления приводит к тому, что оно «смешивается с предварительным следствием, с деятельностью, предшествующей обвинению»¹. По мнению автора, обвинение нуждается в ином определении, в основе которого должно быть утверждение о виновности данного лица, привлечение его в силу этого в качестве обвиняемого, требование предания его суду и осуждения².

Разумеется, никто не отрицает, да и не может отрицать, что утверждение о виновности лица является необходимым и притом существенным элементом понятия обвинения. Но бесспорно и то, что такое утверждение само по себе не имеет никакого юридического значения, если оно не обоснованно, не подтверждено доказательствами. Суд согласится лишь с теми утверждениями обвинителя, которые должным образом аргументированы, подкреплены имеющимися в деле фактическими данными, а это побуждает обвинителя использовать все предусмотренные законом процессуальные средства, с помощью которых он может убедить суд и присутствующих граждан в виновности лица, привлеченного к уголовной ответственности. Такая по своей направленности деятельность и есть изобличение обвиняемого. Вне такой деятельности обвинение лишено было бы практического смысла.

Позиция А. Л. Ривлина в рассматриваемом вопросе вызывает и другие замечания. Соглашаясь с нею, мы должны были бы признать, что обвинение представляет собой лишь отдельные «одноактные» действия, состоящие на предварительном следствии в привлечении лица в качестве обвиняемого, в стадии предания суду — в требовании судить обвиняемого, а в судебном разбирательстве — в требовании его осудить. Дело, однако, не только в том, что указанная позиция необоснованно сужает сферу обвинительной деятельности, исключая из нее все, что связано с подтверждением вывода о виновности обвиняемого. Придерживаясь этой позиции, мы должны были бы признать, что обвинение не осуществляется непрерывно с момента своего возникновения, что эта процессуальная функция то возникает, то исчезает, а затем появляется вновь; придерживаясь ее, мы должны были бы признать, что между привлечением в качестве обвиняемого и составлением обвинительного заключения в деятельности следователя нет ничего обвинительного,

¹ А. Л. Ривлин. Понятие обвинения и его место в советском уголовном судопроизводстве. «Вопросы государства и права» (сборник статей). Харьковский юридический институт. «Юридическая литература». М., 1970, стр. 257.

² Там же, стр. 257—258.

а в судебном разбирательстве обвинение как процессуальная функция получает свое выражение лишь в судебных прениях, в судебном же следствии обвинения нет и никто его не осуществляет. Не трудно видеть, что такое понимание обвинения не отражает реального положения в процессе.

Вряд ли можно признать убедительным аргумент А. Л. Ривлина, что характеризуя обвинение как изобличение данного лица в совершении преступления, мы тем самым отождествляем обвинение и предварительное расследование. Изобличение как деятельность по доказыванию виновности лишь тогда становится элементом обвинения, когда оно осуществляется в отношении обвиняемого. До момента привлечения лица к уголовной ответственности, следователь не осуществляет обвинительной функции, он ищет виновного, выдвигая с этой целью определенные версии и проверяя их.

Совершенно особую точку зрения на понятие обвинения высказывает В. Г. Даев, полагающий, что в советском уголовном процессе нет носителей функции обвинения. «Соответственно этому отсутствует и сама функция обвинения как специальная роль и назначение кого-либо из участников процессуальной деятельности». По мнению автора, под обвинением следует понимать «особое процессуальное отношение, возникающее между государством в лице его управомоченных органов и лицом, которое привлекается в качестве обвиняемого по поводу совершенного преступления»¹. К сожалению, автор не конкретизирует высказанные им положения и потому в них много неясного. Прежде всего непонятно, какие именно государственные органы «управомочены» участвовать в обвинении как «особом процессуальном отношении» — органы расследования, прокурор, а может быть суд? Известно, что каждое правоотношение имеет свое содержание. Между тем автор не раскрывает содержания рассматриваемого им процессуального отношения и потому трудно судить, насколько правильно предложенное определение понятия обвинения. Представляется все же, что нельзя обвинение рассматривать как особый вид процессуальных отношений. Обвинение — это одно из направлений процессуальной деятельности, которое обуславливает возникновение определенной системы уголовно-процессуальных отношений, но само по себе правоотношением не является.

Любое правонарушение при социализме выражает в себе определенное отрицательное отношение лица, его совершившего, к интересам советского общества в целом либо интересам отдельных граждан или организаций². Особо опасными правонарушениями для социалистических общественных отношений являются преступления. В них наиболее ярко выражаются индивидуалистические, ан-

¹ В. Г. Даев. К понятию обвинения в советском уголовном процессе. «Правоведение», 1970. № 1, стр. 85.

² О. С. Иоффе. Ответственность по советскому гражданскому праву. Изд. ЛГУ, 1955, стр. 114; С. С. Алексеев. Общая теория социалистического права. Выпуск первый. Свердловск, 1963, стр. 190—192.

тиобщественные взгляды и побуждения лиц, их совершающих. Между тем «социалистическая демократия несовместима с индивидуалистическим своеволием и анархическим пренебрежением гражданским долгом, с любыми действиями, наносящими ущерб общественным интересам»¹. Поэтому важнейшей задачей соответствующих органов государства является борьба с этим отрицательным отношением субъекта к интересам социалистического общества и обеспечение тем самым укрепления законности и правопорядка в стране².

«Преступность, любые формы антиобщественного поведения, — указывает товарищ Л. И. Брежнев, — это социальное зло, и бороться с ним следует повседневно, бороться твердо и решительно»³.

В решении этой задачи велико значение обвинения в уголовном процессе, которое носит ярко выраженный правоохранный характер. В этом значении оно выступает как одно из наиболее действенных средств, с помощью которых осуществляется неуклонное вытеснение из жизни отношений, чуждых и опасных; социалистическому обществу. Правоохранный характер обвинительной деятельности определяет и ее конкретно практические задачи. Именно поэтому при всей важности стоящей перед обвинением задачи изобличения виновного оно не может ограничиться только ею; оно должно также активно содействовать ликвидации последствий данного преступления и обеспечить принятие действенных мер по предупреждению новых преступлений. Обвинение, следовательно, по своим задачам обращено к будущему и в этом смысле является важным фактором укрепления законности в стране⁴.

В. М. Савицкий, не оспаривая по существу указанный вывод, считает, однако, что он ничего не дает для характеристики обвинения. «С одинаковым успехом, — пишет автор, — о любой процессуальной функции можно сказать, что она обращена к будущему, ибо весь уголовный процесс, как и правосудие в целом, преследует цель не только частной, но и общей превенции. В этом смысле обвине-

¹ Тезисы ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Политиздат. М., 1967, стр. 41.

² «...С социологической точки зрения во всех случаях совершения преступления существует объективный конфликт между поведением преступника и теми социальными, в том числе правовыми нормами, которые установлены в данной области общественных отношений... На основе этого противоречия преступник затем неизбежно вступает в конфликт с правоохранительными органами, ведущими борьбу с преступностью» (В. Н. Кудрявцев. Социологический аспект преступления. «Вопросы борьбы с преступностью». Выпуск 18. «Юридическая литература». М., 1973, стр. 6).

³ Л. И. Брежнев. Все для блага народа, во имя советского человека. Речь на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа города Москвы 14 июня 1974 г. «Коммунист», 1974, № 9, стр. 10.

⁴ С. А. Альперт. «К вопросу о законности обвинения в советском уголовном процессе». «Научная конференция профессорско-преподавательского состава Харьковского юридического института. Тезисы докладов.» Изд-во Харьковского университета, 1968, стр. 151.

ние никакой спецификой не обладает»¹. Конечно, цель общей превенции свойственна не только обвинению, но и ряду других процессуальных функций (кстати говоря, не всех и не в равной мере). Но несомненно, что именно в обвинении, особенно в ходе судебного разбирательства, она получает свое наиболее отчетливое проявление. Высоко оценивая воспитательную роль судебных процессов, В. И. Ленин указывал на необходимость «до корня вскрыты и публично осветить все общественно-политические нити преступления и его значение, чтобы вынести из суда уроки общественной морали и практической политики»². Совершенно очевидно, что указать на эти уроки и наметить конкретные практические меры недопущения новых преступлений — первостепенная задача обвинения. Представители обвинения (в первую очередь государственного и общественного) раньше других участников судебного разбирательства и должны привлечь внимание суда и присутствующих граждан к этим вопросам.

Изложенное дает основание определить обвинение в советском уголовном судопроизводстве как основанную на законе процессуальную деятельность уполномоченных на то органов и лиц, направленную на изобличение и осуждение виновного в совершении преступления, на применение к нему мер наказания либо мер воспитательного характера или общественного воздействия и на принятие на этой основе эффективных мер по предупреждению преступлений.

Некоторые авторы, правда, в большинстве своем еще до принятия действующих УПК, определяя обвинение, использовали понятие «уголовное преследование».

Одни авторы отождествляют уголовное преследование с понятием обвинения как процессуальной деятельности и потому считают, что возбуждение уголовного преследования — это привлечение лица в качестве обвиняемого³. Другие — охватывали этим термином не только привлечение лица в качестве обвиняемого и изобличение его в суде, но и ту деятельность, которая осуществляется с момента возбуждения дела и направлена на установление лица совершившего преступление⁴.

¹ В. М. Савицкий. Государственное обвинение в суде. «Наука», М., 1971, стр. 65.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Том 4, стр. 407—408.

³ См. М. С. Строгович. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. Изд-во АН СССР. М., 1951, стр. 63—65; его же, Курс советского уголовного процесса. Изд-во АН СССР. М., 1958, стр. 100.

⁴ См. М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. Госюриздат. М., 1951, стр. 214—215. Аналогична по существу точка зрения Н. В. Жогина и Ф. Н. Фаткуллина, которые считают, что «уголовное преследование лица, совершившего преступление, начинается с первого же шага предварительного расследования, независимо от того, имеются ли данные о личности правонарушителя или нет» (Возбуждение уголовного дела. Госюриздат. М., 1961, стр. 69—70).

В ходе дискуссии, проходившей в 1950—1951 гг., большинство советских процессуалистов высказалось за то, что понятия «уголовное преследование» и «обвинение» тождественны и что уголовное преследование может иметь место лишь в отношении индивидуально-определенного лица, уже привлеченного в качестве обвиняемого¹.

Однако и после завершения этой дискуссии ряд авторов продолжает обращаться к понятию «уголовное преследование». Это прежде всего относится к М. С. Строговичу, который пишет об уголовном преследовании, понимая под ним обвинение как процессуальную деятельность². Но, по справедливому замечанию П. С. Элькинд, «зачем же одно и то же явление обозначать двумя, отнюдь не тождественными терминами «уголовное преследование» и «обвинение»?»³. Термин «уголовное преследование» не оттеняет никаких особенностей в той характеристике процессуальной деятельности, которую в литературе именуют обвинением.

Нельзя, с другой стороны, согласиться и с попытками выразить терминами «обвинения» и «уголовного преследования» различные понятия. Так, П. С. Элькинд полагает, что «об уголовном преследовании следует говорить в смысле общих задач, стоящих перед всеми органами, ведущими процесс, в том числе и судом»⁴. Но, во-первых, нет необходимости развернутую характеристику общих задач уголовного судопроизводства заменять менее ёмким и менее определенным понятием «уголовного преследования»; во-вторых, при такой характеристике понятия «уголовного преследования» судебная деятельность получает совершенно не свойственную ей обрисовку как деятельности обвинительной.

Учитывая, что действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство не знает термина «уголовное преследование», а также то, что в литературе ему нередко придается различное значение, лишшающее его четкости и определенности, целесообразно было бы на наш взгляд, отказаться от данного термина и не употреблять его при исследовании вопросов, связанных с обвинением.

Наряду с указанным выше понятием обвинения как процессуальной деятельности (функции), под обвинением также понимают определенный предмет этой деятельности, формулировку (описание) признаков преступления, вменяемого в вину данному лицу. Здесь речь идет уже об обвинении в его материально-правовом значении. Именно в этом смысле употребляется термин «обвинение», когда говорят: «обвиняемому предъявлено обвинение в злоупотреб-

¹ По поводу этой дискуссии см. В. Познанский. Возбуждение уголовного дела. «Социалистическая законность», 1951, № 7.

² М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. Том 1. «Наука», М., 1968, стр. 192.

³ П. С. Элькинд. Сущность советского уголовно-процессуального права. Изд-во Ленинградского университета. 1963, стр. 68.

⁴ Там же, стр. 68.

лении служебным положением», «следователь изменил обвинение», «суд признал обвинение доказанным» и т. п.

В юридической литературе справедливо отмечается тесная связь обвинения как процессуальной деятельности с обвинением в его материальноправовом выражении¹. Дело, однако, не только в наличии такой связи, речь идет о более существенных отношениях данных явлений — отношениях взаимообусловленности, взаимодействия, органического единства явлений, которые в реальной действительности не существуют друг без друга².

Признавая, что обвинение как процессуальная деятельность и обвинение в его материальноправовом смысле всегда представляют единое целое, А. Л. Ривлин объясняет это тем, что «...обвинение в его материальном содержании никогда не выступает вне и независимо от его процессуальной формы...»³. По мысли автора, обвинение в его материальноправовом смысле — это категория не процессуального, а материального права, ибо, в противном случае, оно не нуждалось бы в процессуальной форме своего выражения. С таким объяснением трудно согласиться. Обвинение в рассматриваемом его значении, конечно, базируется на положениях материального уголовного права, так как представляет собой конкретизацию того, что в обобщенной и абстрактной форме выражено в нормах общей и особенной частей Уголовного кодекса. Но несомненно и то, что обвинение в указанном его смысле — это категория процессуальная по своему характеру, поскольку вне процесса и норм процессуального закона оно реально не существует. «...Обвинение, — справедливо отмечает П. М. Давыдов, — является всегда понятием уголовно-процессуальным»⁴.

Вызывает возражение и попытка рассматривать соотношение обвинения в его материальноправовом значении и обвинении как процессуальной деятельности в плане соотношения содержания и формы. Касаясь данного вопроса, Ф. Н. Фаткуллин правильно за-

¹ См. П. М. Давыдов, Ю. Г. Левин. Обвинение в советском уголовном процессе. «Ученые записки» Свердловского юридического института. Выпуск VI. Свердловск. 1958, стр. 101; Д. А. Постовой. Обвинительное заключение в советском уголовном процессе. Автореферат кандидатской диссертации. Харьков. 1964, стр. 5; Ф. Н. Фаткуллин. Обвинение и судебный приговор. Казань. 1965, стр. 53; В. М. Савицкий. Государственное обвинение в суде. «Наука». М., 1971, стр. 44, а также работы ряда других авторов. Следует отметить, что П. М. Давыдов в настоящее время изменил свой взгляд по данному вопросу, полагая, что термин «обвинение» должен иметь одно содержание, а именно — утверждение, тезис, предмет, содержание обвинительной деятельности, описание сущности деяния, вменяемого в вину конкретному лицу (П. М. Давыдов. Обвинение в советском уголовном процессе. Средне-Уральское книжное издательство. Свердловск. 1974, стр. 8).

² С. А. Альперт, М. И. Бажанов. Законность и обоснованность актов обвинения в стадии предварительного расследования. «Правоведение», 1965, № 3, стр. 101.

³ А. Л. Ривлин. Обвинувачення в історії радянського кримінального процесу та в діючій його системі. «Проблеми правознавства», 1968, випуск 10, с. 117.

⁴ П. М. Давыдов. Указанная работа, стр. 5.

мечает: «Хотя различные смысловые значения понятия обвинения неразрывно связаны между собой, но они не находятся в том соотношении, какое характерно для формы и содержания. Каждое из них имеет свою форму, собственное содержание»¹. На это обращает внимание и В. М. Савицкий. «...Процессуальная функция обвинения черпает свое содержание в системе действий и правовых отношений, связанных с изобличением виновного. И форма, и содержание обвинительной деятельности определены уголовно-процессуальным законом. А формулировка обвинения, построенная с учетом элементов материальноправовой нормы, придает всей обвинительной деятельности конкретный и целенаправленный характер»².

Таким образом, соотношение указанных смысловых значений понятия обвинения заключается в следующем: обвинение как процессуальная деятельность всегда должно быть предметно и находить свое выражение в обвинении в его материальноправовом значении; последнее же, в свою очередь, формулируется, обосновывается, существует не иначе, как конкретное выражение обвинительной деятельности. Отсюда следует, что несостоятельными являются попытки выяснить, что возникает раньше — обвинение как процессуальная деятельность или обвинение в его материальноправовом значении. Такого рода попытки по сути означают ни что иное, как стремление доказать возможность существования обвинения в его материальноправовом выражении отдельно от обвинения как процессуальной деятельности.

Органическая взаимосвязь понятий обвинения в указанных его значениях — объективная реальность. Признание этого имеет существенное теоретическое и практическое значение для решения вопроса о субъектах обвинения, равно как и вопроса о границах обвинения, иначе говоря — тех стадиях, в которых обвинительная деятельность получает свое выражение.

§ 5. Субъекты обвинения (общие положения)

Обвинение является единой по своей природе процессуальной функцией, но оно не едино по своим субъектам. В зависимости от того, от кого оно исходит, различается обвинение государственное, обвинение общественное и обвинение, осуществляемое потерпевшим³.

Каждый из этих видов обвинения имеет свои особенности, определяемые, главным образом, процессуальным положением и непосредственными интересами субъектов обвинения.

¹ Ф. Н. Фаткуллин. Обвинение и судебный приговор. Казань, 1965, стр. 54.

² В. М. Савицкий, Государственное обвинение в суде. «Наука». М., 1971, стр. 45 — 46.

³ Последний вид обвинения иногда именуют обвинением частным. Это, по меньшей мере, неточно. Во-первых, т. н. частное обвинение — это не вид обвинительной деятельности, а определенный круг дел, имеющих указанные в законе особенности, почему следует говорить о делах частного обвинения. Во-вторых, не только по делам частного обвинения, но и по всем другим делам потерпевший вправе (в пределах, установленных законом) осуществлять обвинительную деятельность.

Наличие, кроме государственного, иных видов обвинения — свидетельство подлинного демократизма советского уголовного процесса, открывающего как для общественных организаций, так и лиц, потерпевших от преступления, возможность активным участием в деле защитить свои интересы. Эта особенность, присущая советскому уголовному процессу со дня его возникновения, получает наиболее широкое выражение в настоящее время, в условиях развитого социалистического общества.

Многообразие видов обвинения связано и с целями правосудия, призванного обеспечить охрану интересов государства в целом, прав и законных интересов общественных организаций, а также отдельных граждан. Указанные виды обвинения находятся в определенном соотношении, а в некоторых случаях и зависимости друг от друга.

В условиях социалистического общества все названные виды обвинения не противопоставлены друг другу. Напротив, все они, в конечном счете, служат общим задачам — укреплению социалистической законности и правопорядка. Проникнутое принципами социалистического демократизма, государственное обвинение призвано поэтому обеспечить действительную защиту не только интересов государства, от имени которого оно осуществляется, но также прав и охраняемых законом интересов общественных организаций и граждан. В свою очередь, общественное обвинение, будучи самостоятельным видом обвинительной деятельности, связано с обвинением государственным, в значительной мере содействует реализации тех задач, которые стоят и перед государственным обвинением. Наконец, осуществляемое потерпевшим и ограждающее его законные интересы обвинение, никогда не являлось и не является чем-то чуждым интересам государства и общества. Всем сказанным в значительной степени объясняется то, что в условиях социалистического общества наличие государственного обвинения и его дальнейшее развитие не только не приводит к поглощению им других видов обвинения или к их свертыванию, а, напротив, идет параллельно, с развитием и совершенствованием последних, расширением и углублением прав общественных организаций и потерпевших как соответствующих субъектов обвинения.

Первое место среди указанных видов принадлежит государственному обвинению. Это объясняется тем, что уполномоченным на то органам Советского государства принадлежит ведущая роль в борьбе с преступлениями и их предупреждением. В силу этого именно государственное обвинение составляет необходимый элемент советского уголовного судопроизводства. Другие виды обвинения могут иметь, но могут и не иметь места в уголовном деле. Государственное же обвинение, за исключением небольшого круга дел, предусмотренного частью 1 ст. 27 УПК УССР (частью 1 ст. 27 УПК РСФСР), должно находить и находит свое выражение в каждом уголовном деле и притом во всех стадиях, в которых обвинение вообще осуществляется. Более того, без государственного обвинения не мо-

жет осуществляться обвинение общественное, ибо общественный обвинитель сам уголовного дела не возбуждает, на предварительном расследовании не участвует и потому не может от своего имени предъявить лицу обвинение, равно как и изменить квалификацию преступления или объем обвинения, которые были определены субъектом государственного обвинения. Общественный обвинитель вправе лишь высказать свое отношение к обвинению, исходящему от государственного обвинителя. «Общественное обвинение..., — справедливо замечает А. Л. Ривлин, — выполняет свои функции лишь при наличии государственного обвинения и при этом только по поводу обвинения в его материальном содержании, выдвинутого государственным обвинением»¹.

Изложенное и определяет государственное обвинение в советском уголовном судопроизводстве как основной, главный вид обвинения.

Ограниченный объем настоящего пособия не позволяет подробно остановиться на всех существенно важных аспектах общественного обвинения, как и обвинения, осуществляемого потерпевшим. Поэтому обратим внимание лишь на некоторые из них.

Задачи широкого привлечения общественности к делу борьбы с преступностью и ее предупреждения потребовали такой организации судебного процесса, при которой мог бы с особой силой прозвучать голос общественности, коллектива. Это было сделано Основами уголовного судопроизводства 1958 года, допустившими к участию в судебном разбирательстве общественного обвинителя и общественного защитника. Значение общественного обвинения состоит в том, что будучи эффективной формой мобилизации масс на предупреждение и искоренение преступлений, выражения общественного мнения в суде, оно значительно усиливает воспитательный результат судебной деятельности.

Нельзя согласиться с мнением ряда авторов, полагающих, что Основы уголовного судопроизводства 1958 г. восстановили существовавшие ранее институты общественного обвинения и общественной защиты.² Конечно, между указанными институтами, как они очерчены в УПК РСФСР 1923 года и УПК УССР 1927 года, с одной стороны, и Основами 1958 г.— с другой, имеются некоторые сходные моменты. Однако это не означает, что законодатель восстановил существовавшие ранее институты общественного обвинения и защиты. В современных условиях неизмеримо возросло само значение общественного обвинения, которое раскрывается в его тесной связи с иными формами участия общественности в борьбе с правонарушениями. Общественное обвинение должно поэтому

¹ А. Л. Ривлин. Общественное обвинение в суде. «Советское государство и право», 1960. № 9, стр. 96.

² И. И. Малхазов. К вопросу об общественном обвинителе и общественном защитнике в советском уголовном процессе. См. «Вопросы участия общественности в борьбе с преступностью и иными нарушениями социалистического правопорядка», Ростов н/Дону. 1959, стр. 36.

рассматриваться как одно из проявлений нового этапа развития советского уголовного процесса, выражающегося в значительном усилении роли общественности в отправлении социалистического правосудия и решения стоящих перед ним задач. Если к этому добавить, что процессуальные права общественного обвинителя значительно расширены действующим законодательством, то станет ясным, что следует говорить не о восстановлении этого института, а о создании общественного обвинения на новой основе, с новыми чертами и задачами. Сказанное в полной мере относится и к институту общественной защиты. Именно поэтому Программа КПСС отнесла участие в суде общественных обвинителей и защитников к числу демократических основ советского правосудия.

Характерной особенностью действующего законодательства является стремление привлечь потерпевшего к активному участию в расследовании и рассмотрении уголовного дела. В этом проявляется одна из закономерностей развития социалистического права, состоящая в расширении субъективных прав граждан и усилении их гарантий.

Процессуальные интересы потерпевшего, как правило, связаны с интересами обвинения, он заинтересован в полном и объективном расследовании и рассмотрении дела. В этом смысле он зачастую активный помощник субъектов государственного обвинения, и задача последних как можно полнее использовать его помощь.

Обвинительный характер деятельности потерпевшего более всего определяет его процессуальное положение в уголовном судопроизводстве, причем во всех категориях уголовных дел, но особенно отчетливо — в делах частного обвинения.

Моральный вред, причиненный преступлением, разумеется, не может быть возмещен потерпевшему. Не вызывает, однако, сомнения, что признание виновным и справедливое наказание лица, нанесшего вред потерпевшему, дает последнему, равно как и всей общественности, моральное удовлетворение. Именно поэтому потерпевший на протяжении ряда процессуальных стадий изобличает обвиняемого, представляя доказательства его виновности; именно поэтому он активно сотрудничает с органами расследования и судом. Позиция потерпевшего, добивающегося осуждения и наказания виновного, в полной мере отвечает как требованиям закона, так и социалистического правосознания, соответствует целям правосудия и вместе с тем служит одной из гарантий незыблемости прав советских людей.

Спорным в юридической литературе является вопрос о субъектах государственного обвинения. Одни авторы считают субъектом такого обвинения лишь прокурора, другие — относят к их числу и иных лиц, уполномоченных на то законом.

Из прямых указаний закона (ст. 40 Основ уголовного судопроизводства, ст. 248 УПК РСФСР, ст. 264 УПК УССР) следует, что субъектом государственного обвинения является раньше всего прокурор. Особенность его обвинительной деятельности состоит в том,

что она органически связана с осуществлением на протяжении всего уголовного судопроизводства функции надзора за законностью. Более того — государственное обвинение, поддерживаемое прокурором, является одним из конкретных выражений, одной из форм этого надзора за законностью. Вне надзорных функций деятельность прокурора как субъекта государственного обвинения не только не может возникнуть, но и не может вообще осуществляться. В этом главная особенность государственного обвинения, осуществляемого прокурором, особенность присущая лишь ему.

Однако не только прокурор, но и другие уполномоченные на то представители государства, а именно — следователь, а также лицо, производящее дознание по делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно, являются субъектами государственного обвинения¹. С этим утверждением не согласен В. М. Савицкий, полагающий, что субъектом государственного обвинения является только прокурор и притом лишь тот, который поддерживает обвинение в суде. «В теории, законодательстве и на практике, — пишет автор, — понятие «государственное обвинение» имеет совершенно определенное значение, не допускающее никаких иных толкований, кроме одного: это совокупность действий прокурора, который отстаивает перед судом свой вывод о виновности подсудимого...»². Действительно, в статьях 228 и 248 УПК РСФСР, на которые ссылается В. М. Савицкий, говорится об участии в судебном разбирательстве государственного обвинителя и о том, что прокурор поддерживает перед судом государственное обвинение. Однако из того, что нормы эти называют обвинение, осуществляемое в суде прокурором, государственным, нельзя делать вывод, что обвинение, исходящее от должностных лиц государства в других стадиях процесса, закон не считает государственным, а лица, которые его осуществляют, не являются субъектами государственного обвинения. Если согласиться с позицией В. М. Савицкого, то, естественно, возникают вопросы: какое же по своей природе обвинение осуществляется в стадии предварительного расследования и субъектами какого обвинения являются в этом случае должностные лица, его осуществляющие — лицо, производящее дознание, следователь и прокурор? Попробуем ответить на них, В. М. Савицкий пишет: «На предварительном следствии, как уже отмечалось, функцию обвинения выполняют следователь и прокурор... Если именовать эту сторону деятельности прокурора государственным обвинением, то это ровно ничего не дает для отграничения его функции от функции следователя...»³. Дело, однако,

¹ См. А. Л. Ривлин. Общественное обвинение в суде. «Правоведение». 1960, № 9, стр. 96; С. А. Альперт. Об обоснованности обвинения в советском уголовном процессе. «Вопросы государства и права». «Юридическая литература». М., 1970, с. 263.

² В. М. Савицкий. Государственное обвинение в суде. «Наука». М., 1971, стр. 57.

³ Там же, стр. 58.

не в отграничении процессуальных функций указанных лиц, которое, разумеется, должно учитываться. Но оно нисколько не лишает каждого из них положения субъектов обвинения и притом обвинения государственного.

Следует, на наш взгляд, различать понятия «субъект государственного обвинения» и «государственный обвинитель». Первое из них — понятие более широкое, нежели второе. Если понятие «обвинитель» связано лишь с обвинительной деятельностью соответствующих лиц в судебном разбирательстве, то понятие «субъект обвинения» характеризует деятельность определенных лиц и в других стадиях процесса, в том числе и на предварительном расследовании. Поэтому субъект государственного обвинения — это не только тот, кто обвинение от имени государства поддерживает в суде (т. е. государственный обвинитель), но и тот, кто обвинение формулирует и предъявляет на предварительном расследовании (лицо, производящее дознание, следователь) либо соглашается с ним, утверждая обвинительное заключение (прокурор).

Совершенно особый взгляд на понятие субъектов обвинения высказан П. М. Давыдовым. Автор различает две группы субъектов обвинения: субъектов формулирования и субъектов формирования обвинения. К первой группе отнесены основные субъекты процесса — следователь, лицо, производящее дознание, прокурор, суд, судья; ко второй — потерпевший, гражданский истец, их представители, общественный обвинитель, обвиняемый, гражданский ответчик и его представитель, защитник и общественный защитник¹. Таким образом, почти все субъекты процесса, независимо от осуществляемых ими функций и занимаемого каждым из них процессуального положения, являются субъектами обвинения.

Что такое формулирование обвинения, понятно. Не совсем ясно другое — какие признаки образуют понятие «формирование обвинения». И все же некоторые из высказываний П. М. Давыдова позволяют сделать вывод, что под формированием обвинения понимается такая деятельность, которая может существенно влиять и влияет на судьбу обвинения в целом либо той или иной его части. Чтобы судить, насколько обоснован такой взгляд, обратимся к некоторым положениям, которые отстаиваются в работе.

К числу субъектов формирования обвинения П. М. Давыдов относит потерпевшего, поскольку, он, «как и любой гражданин, — прежде всего заявитель о совершенном преступлении, лицо, которое, может дать показания и представить доказательства, участник процесса, который может обжаловать отказ в возбуждении дела и прекращение дела на предварительном следствии»². Конечно, потерпевший — субъект обвинения, но не потому, как полагает ав-

¹ П. М. Давыдов. Обвинение в советском уголовном процессе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Свердловск. 1973, стр. 27.

² П. М. Давыдов, указанная работа, стр. 50.

тор, что своим заявлением о совершении преступления, дачей показаний и представлением доказательств он оказывает влияние на судьбу обвинения. Свидетель также дает показания, которые нередко имеют непосредственное отношение к содержанию обвинения, подтверждают его, но это, разумеется, не значит, что он является субъектом обвинения.

Вызывают возражения и другие положения автора, в частности, те, где он развивает взгляд на обвиняемого и его защитника как субъектов обвинения. «Отношения к обвинению можно условно разделить на два вида: признание обвинения и его отрицание. Ясно, что сообщение лица о совершении им преступления, явка с повинной, раскаяние в содеянном больше иных средств способны убедить следователя в виновности этого лица и способствовать формированию обвинения. Но даже при отрицании своей виновности в преступлении обвиняемый зачастую признает отдельные обстоятельства, отражаемые в обвинении»¹. Таким образом, признание обвиняемым своей вины в целом или части делает его, по мысли автора, субъектом формирования обвинения, а, следовательно, субъектом обвинения. С указанных позиций аргументируется отношение и защитника к субъектам обвинения². С этими утверждениями никак нельзя согласиться, ибо они неизбежно приводят к выводам, что обвиняемый так или иначе обвиняет самого себя, что защитник, вопреки своему назначению в процессе, также превращается в субъекта обвинения.

На окончательное формирование обвинения, разумеется, оказывают влияние различные субъекты процессуальной деятельности. Но при этом нужно всегда иметь в виду, с к а к и х и о з н а ц и й они действуют, что лежит в основе их процессуальных интересов, когда они высказывают свое мнение относительно обвинения и его доказанности. Уточняя обвинение, даже признавая его полностью, обвиняемый и его защитник никогда не превращаются в субъектов обвинения. Признание обвинения в деятельности названных лиц выступает как элемент не обвинения, а защиты.

Любые процессы, возникающие в правоприменительной деятельности, в том числе и связанные с осуществлением обвинения в уголовном судопроизводстве, могут быть правильно познаны и поняты, если к их исследованию будет применен системный подход. Для системы характерно то, что множество образующих его элементов имеет строго определенную упорядоченность, связаны между собой и в силу этого представляют целостное единство³. Между тем тре-

¹ Там же, стр. 32—33.

² Там же, стр. 34.

³ О понятии системы см.: В. С. Тютин. Системно-структурный подход и специфика философского знания. «Вопросы философии». 1968, № 11, стр. 47; В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин. Задачи, методы и приложения общей теории систем. Вступительная статья.— «Исследования по общей теории систем». М., 1969, стр. 4—12.

бования системного анализа не учтены в рассматриваемой конструкции субъектов обвинения.

По мысли П. М. Давыдова, для отнесения того либо иного лица к числу субъектов формирования обвинения, достаточно установить, что оно подтверждает обвинение, признает его полностью или частично. Иначе говоря, утверждение о виновности приобретает у автора значение основного, решающего элемента понятия обвинения. Между тем не этот элемент является главным в данном понятии. Не все элементы, образующие ту или иную систему, равнозначны, равновелики. В каждой системе имеются элементы определяющие, доминирующие¹. Именно таким элементом, в понятии обвинения, присущим только этому виду процессуальной деятельности, элементом, без которого она не может вообще осуществляться, является и з о б л и ч е н и е данного лица в совершении преступления.

Утверждение о виновности лица может быть элементом, входящим в структуру не только обвинения, но и других видов процессуальной деятельности, в том числе защиты и правосудия, что, однако, не превращает защитника и суд в субъектов обвинения. Объясняется это тем, что утверждение о виновности лица вне деятельности, связанной с изобличением его, не образует понятия обвинения. Защитник потому не является субъектом обвинения, что даже в случаях признания обвиняемого виновным, он ни при каких условиях не вправе изобличать его. Иное решение данного вопроса противоречило бы сущности и назначению института защиты в советском уголовном процессе.

Утверждение о виновности лица само по себе не образует обвинения. Такое утверждение приобретает новое свойство, становится элементом обвинительной деятельности лишь тогда, когда органически входит в структуру последней. «...Структура, как определенный организованный порядок, приводит к образованию таких новых свойств, которых не было у элементов, участвовавших в ее образовании»². Это обстоятельство имеет существенное значение и для разграничения таких видов процессуальной деятельности, как обвинение и правосудие.

Осуществление правосудия означает правильное, в соответствии с законом и обстоятельствами дела, решение основного вопроса — о виновности или невиновности подсудимого. Однако утверждение суда о виновности лица в совершении преступления не означает, что и в судебной деятельности есть элементы обвинения. Суд не является субъектом обвинения потому, что, во-первых, исходящее от него утверждение о виновности лица ни при каких условиях не мо-

¹ «Существует понятие централизованной системы, в которой одна подсистема (или элемент) имеет доминирующую роль в функционировании всей системы» (Р. С. Белкин, А. И. Винберг. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. «Юридическая литература». М., 1973, стр. 165).

² Р. С. Белкин, А. И. Винберг, указанная работа, стр. 157 — 158.

жет иметь места в ходе рассмотрения дела¹ и, во-вторых, это утверждение не сопровождается изобличением подсудимого. Утверждение о виновности подсудимого является итоговым выводом суда, результатом его деятельности, получающим отражение лишь в приговоре — акте социалистического правосудия. Такое утверждение, следовательно, входит в структуру правосудия и является одним из его элементов.

Изложенное свидетельствует о том, что обвинительная деятельность в советском уголовном процессе осуществляется лишь следующими его субъектами: прокурором, лицом, производящим дознание, следователем, общественным обвинителем и потерпевшим.

Литература

- М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. Том I. «Наука». М., 1968, главы VI и VII.
- Советский уголовный процесс. Под ред. проф. Д. С. Карева. «Высшая школа». М., 1968, глава IV.
- Уголовный процесс. Под ред. проф. М. А. Чельцова. «Юридическая литература». М., 1969, главы I, IV, V.
- Уголовный процесс. Отв. редакторы Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич, П. С. Элькинд. «Юридическая литература». М., 1972, главы I и IV.
- Радянський кримінальний процес. За загальною ред. проф. А. Л. Ривліна. «Вища школа». Київ, 1971, розділи 1, 4, 5.
- М. С. Строгович. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. Изд-во АН СССР. М., 1951, главы I и II.
- Ф. Н. Фаткуллин. Обвинение и судебный приговор. Изд-во Казанского университета. 1965, глава первая.
- Ф. Н. Фаткуллин. Изменение обвинения. «Юридическая литература». М., 1971, глава первая.
- В. И. Басков. Прокурор в суде первой инстанции. «Юридическая литература». М., 1968, глава I.
- Поддержание государственного обвинения в суде. Под ред. М. П. Малярова. «Юридическая литература». М., 1970, глава первая.
- В. М. Савицкий. Государственное обвинение в суде. «Наука». 1971, глава вторая.
- С. В. Катькало, В. З. Лукашевич. Судопроизводство по делам частного обвинения. Изд-во Ленинградского университета. 1972.
- П. М. Давыдов. Обвинение в советском уголовном процессе. Средне-Уральское книжное издательство. Свердловск, 1974, глава I.
- Л. Д. Кокорев. Участники правосудия по уголовным делам. Изд-во Воронежского университета. Воронеж, 1971, стр. 5—46.
- В. Я. Чеканов. Прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве. Изд-во Саратовского университета. 1972, глава 2.

¹ На это особо обратил внимание Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 1 от 25 февраля 1967 года, подчеркнув недопустимость случаев, «когда некоторые судьи в ходе судебного заседания высказывают свое мнение по существу дела или исследуемых доказательств до решения этих вопросов в совещательной комнате...» («Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973 гг.». Изд-во «Известия». М., 1974, стр. 56.

А. Л. Ривлин. Понятие обвинения, его место в советском уголовном судопроизводстве. «Вопросы государства и права» (сборник статей). «Юридическая литература». М., 1970, стр. 254—262.

С. А. Альперт. Об обоснованности обвинения в советском уголовном процессе. «Вопросы государства и права» (сборник статей). «Юридическая литература». М., 1970, стр. 262—272.

П. С. Элькинд. К вопросу о функции обвинения в советском уголовном процессе. Сборник «Вопросы теории и практики прокурорского надзора». Изд-во Саратовского университета, 1974, стр. 1—13.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
§ 1. Правоохранительная функция Советского государства и ее выражение в уголовном процессе	4
§ 2. Понятие субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Участники процесса	8
§ 3. Понятие уголовно-процессуальной функции. Круг субъектов, которые их осуществляют	12
§ 4. Понятие обвинения и его задачи в советском уголовном процессе.	18
§ 5. Субъекты обвинения (общие положения)	28
Л и т е р а т у р а	36

Ответственный за выпуск доцент *Д. А. Постовой*

Слано в набор 18/XI 1974 г. Подписано к печати 24/XII 1974 г. БЦ 20352. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага тип. № 3. Объем 2,5 печ. л. Зак. 2114. Тираж 1000. Цена 20 коп.

Харьковская городская типография № 16. Областного управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Харьков, Университетская, 16.